

5 (35)	1799–1800			ИРЛИ № 4 (1821–1822)	
6 (36)	1800–1801		РНБ № 30 (1824–1825)	ИРЛИ № 5 (1825–1826?)	
7 (37)	1801–1802		РНБ № 31 (1825–1826)	ИРЛИ № 6 (1827–1829?)	
8 (38)	1802–1804		Утрачены (1826–1829?)		
9 (39)					
40	1805		ИРЛИ № 8 (1829?)		

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-182-198

© М. Э. Баскина (Маликова), © А. В. Волков

ЧТО ЖЕ ПИСАЛ О ПЕРЕВОДАХ ЖИТЕЛЬ ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ

Хорошо известно, что написанное в начале 1824 года программное проромантическое предисловие П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» А. С. Пушкина озаглавлено «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова». ¹ В переписке Вяземский именвал его также «Разговором между издателем и классиком с Выборгской стороны», ² как будто подчеркивая значение второго из «жителей»-классиков. Также достоверно известно, что предположение Вяземского: «Какой-то шут Цертелев или Сомов лается на меня в „Благонамеренном“ под именем Жителя Васильевского острова или Выборгской стороны», ³ — наполовину верно: в 1820–1821 годах в «Благонамеренном» под псевдонимом Житель Васильевского острова с нападка на «новую школу словесности» выступал князь Н. А. Цертелев, что, безусловно, подтверждается многочисленными эпистолярными свидетельствами. ⁴ Что касается Жителя Выборгской стороны, которого Вяземский называет в одном ряду с Жителем Васильевского острова / Цертелевым как «классика» (т. е., условно, представителя лагеря, противного «романтикам»), то под этим псевдонимом вышла только одна большая, в трех номерах того же «Благонамеренного» за 1822–1823 годы, статья «О переводах», ⁵ и подлинное имя ее автора до сих пор не названо. Вероятно, на основании процитированного письма Вяземского в комментарии в сборнике «Пушкин в прижизненной критике» статья «О переводах» без оговорок атрибутирована Цертелеву. ⁶ Действительно, отведенное ей место в журнале и реакция Вяземского, обессмертившего Жителя Выборгской стороны в истории русского романтизма, заставляяют предположить в ней программное выступление, в характерном для «Бла-

¹ [Вяземский П. А.]. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова. Вместо предисловия <к «Бахчисарайскому фонтану»> // «Бахчисарайский фонтан» А. Пушкина. М., 1824. С. I–XX (без подписи).

² Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу 17 января 1824 года, см.: Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. 3. С. 4.

³ Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу 10 сентября 1823 года, см.: Там же. Т. 2. С. 346.

⁴ См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 378.

⁵ Благонамеренный. 1822. Ч. 20. № 41. С. 47–64; № 42. С. 81–91; 1823. Ч. 22. № 8. С. 97–109. Далее ссылки на эту статью даются в тексте сокращенно, с указанием части (1, 2, 3) и страницы.

⁶ См. комм. Е. О. Ларионовой к этой статье Вяземского в сб.: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 2001. С. 406–408.

гонамеренного» этих лет антиромантическом духе, на тему перевода — что первоначально привлекло наш интерес к этому тексту.

Поскольку достоверных данных о личности автора статьи «О переводах» нет, можно путем внимательного чтения реконструировать позицию имплицитного автора и, поставив высказывание в контекст литературных споров эпохи, сделать предположения о реальной фигуре, скрытой под псевдонимом, чему и посвящена настоящая статья.

Житель Выборгской стороны собственно на Вяземского не «лается», но действительно делает несколько задиристых антиромантических выпадов. Вначале, рассуждая об этимологии слова «перевод», он замечает, что по-русски оно «в самой древности соединяло в себе два понятия, а именно: во-первых, вести кого-нибудь с одного места на другое; а во-вторых, извести, истребить», заимствуя это этимологическое рассуждение у адмирала Шишкова,⁷ и потом направляет его против «Арзамаса»: «Например <...> у меня *перевелись* Арзамасские гуси, индейки тоже пошли на *перевод*; он великой *переводчик* бумаги, и т. п. <...>» (1, 48–49; здесь и далее курсивы в цитатах из статьи Жителя Выборгской стороны принадлежат ее автору). Оканчивает он статью общими местами антиромантической критики, говоря об «условных красотах сего рода романтической поэзии <...>: таинственный, сладострастный, былое, туманная даль, молодая жизнь — глаза, не зря смотрящие — уста, без слов говорящие — руки, развещающие персты, и т. п.» (3, 106).⁸ Кроме того, введя не оригинальное, но вполне справедливое разделение переводов на «перевод-творение», «подражание» и «рабский» (1, 51), Житель иронически характеризует первые два как романтические: перевод-«творение» — это «порыв Гения, стремящегося хотя по одному назначению с подлинником, но в бурном полете своем разрушающего все препоны, которые встречаются ему на пути» (1, 52–53), перевод-«подражание» — «также отпечаток Гения. Он хотя и следует за подлинником, но издали и не всегда по прямой дороге» (1, 61).⁹ Обрамляя критику этих «романтических» переводов легко узнаваемыми примерами из Тредиаковского («Тилемахиды»,¹⁰ и «Поэтического искусства» Буало (1, 63–64)), Житель

⁷ Критикуя в «Разговоре между двумя приятелями о переводе слов с одного языка на другой» (1805) калькирование «состава чужих слов», А. С. Шишков говорит, что «это называется переводить, и название сие сугубо прилично сему действию, потому что оно в самом деле *переводит*, то есть истребляет собственные свои, и вводит в язык чужие несвойственные ему слова» (Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 4. С. 312).

⁸ Ср. в «Эпиграмме» некоего «Ф. Ф. Ф.»: «Везде влияние чудесной видим моды! <...> а ныне — все толпой / Летим в туманну даль, с отцветшею душой...» (Вестник Европы. 1821. Ч. 116. № 1. С. 35); эпиграмме Б. М. Федорова «Союз поэтов»: «Условныя желанья, / Немыя ожиданья, / Клянящая лобзанья / И сладострастие нег / Твердите и твердите!» (Благонамеренный. 1822. Ч. 19. № 39. С. 513–514, подп. «Д. Врс-въ»); в рецензии близкого к редакции «Благонамеренного» критика, писавшего в журнале под псевдонимом «И. Истов», на идилию Н. И. Гнедича «Рыбаки»: «В редком из новейших стихотворений <...> не встретишь кстати и некстати: <...> туманной или таинственной дали; также как *младой жизни, легкокрылой мечты, былых лет* и т. п. <...> они тем неприятнее в мелких стихотворениях нашей Парнасской молодежи, что показывают <...> какое-то жалкое обезьянство» (Истов И. Разбор идилии: «Рыбаки» (Продолжение) // Там же. Ч. 18. № 21. С. 314–315) и проч.

⁹ «Эмблемою для сих переводов могут служить те зеркала, которые или увеличивают, или уменьшают отражающиеся в них предметы, соблюдая однако ж наружность и черты, свойственные сим предметам» (1, 61) — А. А. Бестужев, критикуя переводы В. Перевощиковым идилий Броннера и Гердера, в которых тот стремился передать «в улучшенном виде красоты оригиналов», также использовал оптическую аналогию, впрочем более изощренную: «... так дневной луч, проходя сквозь кристальную призму, отражается цветною радугою» (Сын отечества. 1822. Ч. 80. № 36. С. 113).

¹⁰ «Тилемахида» (1766), перевод стихами романа Фенелона «Приключения Телемака», служит иллюстрацией того, что «если сочинение написано в прозе, то переводчик перелагает его стихами» (1, 53). Рядом с Тредиаковским приводятся еще примеры из авторов XVIII века — вероятно, просто ради комизма «кунсткамерного» типа: заглавие вольной вариации С. А. Смирнова на темы «Мессиады» Клопшток — «Необходимость Мессии, доказанная разумом. Поэма в 5 песнях. Российское сочинение» (1803) — становится подтверждением того, что «переводчик-творец» «старается назвать сочинение так, как сочинителю его и в голову не приходило» (1, 53). В разделе «переводов-подражаний» цитата из «Енея» Василия Петрова (перевода «Энеиды»,

Выборгской стороны отчетливо подверстывает себя к другим антиромантическим «жителям» «Благонамеренного» — Жителю Петербургской стороны / А. А. Бестужеву-Марлинскому, объявившему о своем намерении собрать «литературную кунсткамеру»,¹¹ Жителю Галерной Гавани / Оресту Сомову и Жителю Васильевского острова / князю Цертелеву, поместившим на свои виртуальные шкафы «с литературными уродцами», выбранными из стихотворений Жуковского, Дельвига, Вяземского и Баратынского, девизы из «Тилемахиды». ¹² Во второй части статьи Житель прямо говорит о том, что приводимые им примеры из переводов предназначены для этой «литературной кунсткамеры»: «...некоторые из *Любителей Кунсткамеры Русского Слова* уже занимаются составлением двух Словарей, из коих первый содержать будет слова и выражения вновь составленные на Русском языке разными писателями; а второй слова и выражения иностранных, введенные в Русский язык неусыпными трудами наших сочинителей и переводчиков» (2, 86–87).

Таким образом, статья содержит несколько вторичных, но однозначно маркирующих «партийную» приверженность критика как «антиромантическую» высказываний, которые, вероятно, и дали основание Вяземскому записать его, наряду с Жителем Васильевского острова, в «классики». Однако центральная часть статьи, содержащая собственно критику переводов, не развивает эти декларативные антиромантические выпады и имеет совсем иную прагматику и риторику.

Разделы, посвященные каждому из трех типов перевода — творческому, подражательному и рабскому — построены по одной схеме: несколько иронически сформулированных «правил» иллюстрируются цитатами. При этом имена переводчиков и названия произведений не указываются, поэтому, чтобы понять смысл статьи, нам пришлось их атрибутировать. Свои претензии к текстам критик не формулирует, а только выделяет не понравившиеся ему слова и фразы курсивами, вопросительными и восклицательными знаками, — что, вероятно намеренно, сбивает критический прицел и ослабляет полемический заряд.

В разделе о «переводах-творениях» как пример того, что «если сочинение писано стихами, то переводят его прозой», называется «Освобожденный Иерусалим» Тассо, «несколько раз на Русской язык переведенный» (1, 53).¹³ К этому времени поэма переводилась на русский трижды и всегда прозой: М. И. Поповым (1772), С. А. Москотильниковым (с французского, сделан в 1800–1812 годах, опубл. 1819) и А. С. Шишковым. Единственной относительно актуальной причиной для обращения к обсуждению переводов поэмы Тассо могли служить выступления адмирала Шишкова — статья «О переводе классических стихотворцев» (Дух журналов. 1817. Ч. 23. Кн. 46. С. 867–893), направленная против стихотворного перевода 15-й песни поэмы А. Ф. Мерзляковым,¹⁴ и сделанный самим Шишковым с итальянского подлинника, но тоже прозой, перевод поэмы (1818–1819). Можно было бы предположить, что Житель тут выступает на стороне Мерзлякова, автора стихотворного перевода, но это не так: далее он критически

1780-е годы): «Там вихрем хлябь корабль три раза вокруг вращает, / Урча и клокоча, со щоглой поглощает» (1, 62) — приводится как пример того, что «если подлинник написан слогом высоким, то его должно перевести слогом надутым» (1, 62; отметим, что А. С. Шишков, напротив, считал эти строки из перевода Петрова примером удачной передачи звукоподражания подлинника (Шишков А. С. О звукоподражании (1805) // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. Ч. 4. С. 346)).

¹¹ Марлинский А. Письмо к издателю // Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 6. С. 398–408.

¹² Житель Васильевского Острова. Письмо к г. Марлинскому // Там же. № 13. С. 16; Житель Галерной Гавани. Письмо к г. Марлинскому // Невский зритель. 1821. Ч. 5. № 1. С. 57.

¹³ Следующее правило, дублирующее это утверждение: «Если сочинение заключает в себе красоты стихотворческие, то его должно перевести как можно более прозаически» (1, 54) — отсылает, возможно, к переводам такого рода, как тоже уже совершенно неактуальное прозаическое переложение фрагментов «Ночных размышлений» и поэмы «Страшный суд» Э. Юнга, сделанное Михаилом Паренаго по антологии с характерным для эпохи заглавием «*Beauties of Edward Young*» (1802) и парадоксально, для восприятия читателей позднейшей эпохи, озаглавленное переводчиком «*Стихотворческие красоты Эдуарда Йонга*» (1806).

¹⁴ Перевод Мерзлякова опубл.: Амфион. 1815. Кн. 5.

приводит целый ряд цитат из перевода Мерзлякова — и именно те, которые использовал в своей статье Шишков, в целом характеризовавший перевод Мерзлякова как пример превращения «простого в надутое, великолепного в убогое, громкого в тихое» («таковой перевод стихами хуже перевода из слова в слово, и столько вреден <...>»¹⁵), — т. е. того, что Житель иронически именует «творческим переводом», ср.:

1. «Быстрейший некий ветер, дхновенье тайной силы, / Чудесно надувал его блестящи крылы <...>» (Мерзляков).

Житель

Шишков

«переводчик-творец» обязан переводимую фразу одеть «в такой хаос слов и выражений, чтоб автор, если б он разумел по-русски, сам не мог догадаться, какой смысл она заключала...» (1, 57).

2. «Как страстный голубок на бирюзовой вые / Меняет перышков оттенки золотые, / Когда вокруг милые он вьется в яркий день; / Миг всякой цвет другой, или другая тень: / То кажется она рубиновым монистом, / То блещет в ней смарагд, обделан в злате чистом: / То слиты купно все для зрителей цветы, / Многообразны отливы красоты» (Мерзляков).

Житель

Шишков

переводчик «усеивает по местам переводимое им сочинение цветами собственного сада» (1, 58).

3. «И се, их ставит вал на холм прибрежный...» (Мерзляков).

Житель

Шишков

«Если подлинник написан слогом слишком гладким; то в сем случае переводчику-подражателю позволяется делать скачки» (1, 62).

«Переводчик везде приятную простоту сию превращает в неуместное восклицание: *И се! их ставит вал на холм песка прибрежный!* Какой вал? какой холм песка прибрежный? откуда они взялись? у Тасса их нет. В подлиннике тишина и спокойство, а в переводе волны и бури».¹⁸

Таким образом, прагматика упоминания переводов «Освобожденного Иерусалима» в начале статьи состоит не в защите единственного на тот момент стихотворного перевода Мерзлякова, а, вероятно, в оммаже мнениям и сочинениям почтенного президента Российской Академии.

Следующий пример, иллюстрирующий правило: когда оригинальное сочинение «писано гладкою и ясною прозою, тогда переводчик обязан дать ему отрывистый, кудреватый слог и выражения, свойственные стихотворению» (1, 54), — взят из «Федры» Расина:

Но что? О лютый стыд!... открыть любовь могла!
И не невольню я, ты мнишь, сие рекла?...
О сын, в ком одну могу надежду видеть,
Пришла просить тебя его не ненавидеть;

¹⁵ Шишков А. С. О переводе классических стихотворцев // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. Ч. 4. С. 360.

¹⁶ Там же. С. 380.

¹⁷ Там же. С. 374.

¹⁸ Там же. С. 369–370. Ср. также: 1, 60–61 — с: Шишков А. С. О переводе классических стихотворцев. С. 375–377.

Но сердце не могло противиться себе:
Тебе вещала я лишь о самом тебе.

(1, 54)

Трагедия Расина, конечно, написана в оригинале не «гладкою и ясною прозою», а александрийским стихом — этот ляпсус и разительная неадекватность примера правилу заставляет заподозрить, что правила сочинялись одним лицом, а примеры подбирались другим. Довольно неуклюжая цитата взята из перевода 5-го явления трагедии И. Б. Чеславским (впервые: *Благонамеренный*. 1821. Ч. 11. № 17. С. 322; прочитан автором на собрании ВОЛСНХ 21 апреля 1821 года¹⁹). Тут Житель как будто включается в новейшие споры вокруг многочисленных в те годы переводов «Федры» (как заметил О. М. Сомов в отклике на перевод М. Е. Лобанова (1823): «Сколько нам известно, это уже одиннадцатый полный перевод Федры на Русском языке, и из сих одиннадцати Федр почти половина была напечатана»²⁰). По словам автора статьи о Чеславском в словаре «Русские писатели» И. С. Булкиной, переводы «Федры» в те годы «определяют „линию напряжения“ между „классиками“ и „романтиками“, „архаистами“ и „новаторами“». Перевод Чеславского находился на „крайнем правом“ фланге, он более других злоупотреблял грамматическими рифмами и славянизмами.²¹ Однако выделенная курсивом стилистическая претензия Жителя — скопление «не» («не невольню», «не ненавиждь») — не читается как реплика против «классика» и «архаиста».²² Критическая прагматика Жителя, очевидно, не полностью описывается категориями «архаисты» versus «новаторы», «классики» versus «романтики», хотя и заявлена как таковая в обрамляющих статью выпадах против «Арзамаса» и «новой школы» поэзии.

Как представляется, упоминание одного из переводов «Федры» соотносится с деятельными усилиями редактора «Благонамеренного» А. Е. Измайлова сделать свой журнал местом полемики о ставших актуальными в 1810–1820-е годы переводах Расина и таким образом привлечь к нему читателей и поправить дела.²³ В 1820–1823 годах Измайлов напечатал в «Благонамеренном» фрагменты перевода Чеславского;²⁴ резкий

¹⁹ Архив ВОЛСНХ в НБ СПб ГУ. Д. 204. № 6. Л. 9–9 об.; № 21. Л. 39–40. См.: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot21.html>; дата обращения: 15.04.2020.

²⁰ Сын отечества. 1823. Ч. 89. № 46. С. 260 (подп. О. С.). Похвалы Сомова как переводу Лобанова («Скажем мимоходом, что здесь Переводчик наш превзошел Расина. Стих его гораздо живее, гораздо вернее выражает отчаяние Федры, нежели стих Расина»; Там же. С. 247), так и игре исполнявшей главную роль трагической актрисы Е. С. Семеновой, ученицы Н. И. Гнедича, «столь преувеличены <...>, что подчас звучат как иронические» (*Зубков Н. Н.* Лобанов Михаил Евстафиевич // *Русские писатели*. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 376).

²¹ Булкина И. С. Чеславский Иван Богданович // *Русские писатели*. Т. 6. С. 643.

²² Кроме того, трагедии Расина, воспринимавшиеся как образцово классицистические, легитимировали в целом «высокий», даже архаический стиль переводов, в том числе использование славянизмов (см.: *Сигал Н. А.* Из истории русских переводов «Федры» Расина // *Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию ак. М. П. Алексеева*. М.; Л., 1966. С. 454–455), что подтверждает и приводимый далее Жителем пример: «Как громом по полю разгнанный гонимый!» (со специальным уточнением: «перевод Расинова стиха» — и параллельной французской фразой; 1, 57–58), — злосчастные «говяда» из перевода А. А. Жандром «Гофолли» Расина (Северный наблюдатель. 1817. № 14) уже были многократно осмеяны (см.: *Князь Цертелев*. Огрызок из письма к Н. Н. // *Благонамеренный*. 1819. Ч. 8. № 23/24. С. 349; *Ю. П.* Явление Гиперборейского Духа // *Сын отечества*. 1817. Ч. 41. № 43. С. 196. Дружески относившийся к Жандру А. С. Грибоедов в письме П. А. Катенину назвал рифму на библейское слово «говяда» «богомерзкой»: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. Н. К. Писанова. Пг., 1917. С. 124).

²³ О позиции Измайлова как издателя «Благонамеренного» в начале 1820-х годов, соединявшей попытки (неудавшиеся) остановить падение читательского интереса к журналу хотя бы критической полемикой на его страницах, и нарастающую, под влиянием Цертелева, Федорова, Остолопова, отчасти Сомова и др., антиромантическую направленность, см.: *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 264–266.

²⁴ Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 17. С. 316–323; Ч. 12. № 22. С. 240–248; 1821. Ч. 14. № 7 и 8. С. 10–14.

разбор «Рассказа Терамена»,²⁵ только что вышедшего в «Вестнике Европы» в переводе А. И. Писарева,²⁶ — переводчик откликнулся критическим разбором опубликованного в «Благонамеренном» перевода Чеславского,²⁷ при этом дав понять, что считает помещенную в этом журнале критику «известного публициста господина Истова» написанной самим Измайловым или кем-то из его круга;²⁸ перепечатал целиком фрагмент «Смерть Ипполита» из перевода «Федры» М. Е. Лобановым (впервые: «Полярная звезда» на 1823 год; перепеч.: Благонамеренный. Ч. 23. № 13. С. 39–43) — только чтобы сопроводить его критическими «Замечаниями» Г. А. Окулова (Там же. С. 43–61),²⁹ на которые тут же выразил готовность поместить антикритику (Там же. С. 61), и вскоре напечатал перевод самого Окулова (Там же. 1823. Ч. 24. № 22). В гуще этой «благонамеренной» полемики о «Федре» (в целом склоняющейся, конечно, в пользу Чеславского, а не Лобанова) в статье Жителя возникает — в разительном рассогласовании с «правилом», которое она должна иллюстрировать (перевод прозы стихами), — цитата из перевода Чеславского, что можно объяснить, кажется, не тем, что Житель принципиально предпочитает ему перевод Лобанова, а тем, что эту цитату дал тот, кто собственно и публиковал перевод Чеславского, — сам Измайлов.

Предполагаемое участие Измайлова в написании статьи «О переводах» позволяет объяснить и следующий случай: для иллюстрации правила «мысль Автора должна быть выражена так, чтобы казавшееся в ней белым, в переводе казалось черным» (1, 56), приводится, с параллельным латинским текстом, действительно довольно темная фраза «Воскрес Атрид и мстит за смерть свою Орестом (Aut Agamemnonius, scenis agitatus Orestes)» (1, 56). Она взята из трагедии к 1822 году забытого драматурга А. Н. Грузинцева³⁰ «Электра и Орест» (СПб., 1810, постановка 1809), вернее, даже не из самого драматического текста — это отдельная фраза из «Энеиды» Вергилия (IV, 471), которую Грузинцев приводит в примечании в собственном переводе и с параллельным латинским текстом,³¹ — точно как цитирует ее Житель. Почему Житель вспомнил эту случайную цитату, помещенную в издании плохой пьесы десятилетней давности уже умершего драматурга?

Неблестящая трагедия Грузинцева была в свое время предметом насмешек,³² заключительным выступлением стала откровенно издевательская реплика А. Ф. Воейкова, который, в частности, привел эту фразу из Вергилия, переведенную Грузинцевым

²⁵ Там же. 1822. Ч. 18. № 14. С. 12–26 (подп. И. Ис-въ). О традиции переводить отдельно фрагмент «Рассказ Терамена», начиная с перевода А. П. Сумарокова в 1756 году, см.: *Демин А. О.* 1) Перевод рассказа Терамена из трагедии Ж. Расина «Федра» и оригинальное творчество Г. Р. Державина // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 159; 2) Рассказ Терамена в переводе Гнедича // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века: Сб. статей и материалов. СПб., 2017. С. 285–291.

²⁶ Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 3. С. 180–183 (подп. Псрвъ). Критик «Благонамеренного», в частности, предпочитает буквальный, стих в стих, перевод В. Г. Анастасевича (1805), однако же называет его «рабским»: «Они лучше по крайней мере тем, что в них соблюдена большая точность: те же почти слова, что в подлиннике. Однако же каковы они в сравнении с ним?... Что же значит и *рабский* перевод слов?» (Благонамеренный. 1822. Ч. 18. № 14. С. 24).

²⁷ Замечания на новый перевод Федры // Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 8. С. 290–298 (подп. П. с. р. въ).

²⁸ Там же. С. 290.

²⁹ Окулов, в частности, замечает превосходство перевода Чеславского (Благонамеренный. 1821. № 7 и 8) в передаче «известного звукоподражательного стиха Расина» («Se groupe se recourbe en replies tortueux». У Лобанова: «Вращая ошибом, крутился, придал он...» (ср. прим. 18 наст. статьи) — Чеславский «перевел гораздо лучше и ближе к подлиннику: Сгибаясь и горбясь, влачит змиеподобный, / Въя в кольца ошиб свой...» (Там же. 1823. Ч. 23. № 13. С. 50).

³⁰ В биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» дата его смерти дается приблизительно: «не ранее мая 1819, не позднее 1821» (Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 2. С. 51; статья А. А. Ильина-Томица).

³¹ Электра и Орест. Трагедия в 5 действиях Александра Грузинцова. СПб., 1810. С. 20.

³² В основном из-за неумеренных похвал, которые расточали ей сам драматург и его издатель А. А. Шаховской, см.: Цветник. 1809. Ч. 4. № 11. С. 255–263; 1810. Ч. 7. № 8. С. 298–315; Вестник Европы. 1811. Ч. 56. № 7. С. 205–222; № 9. С. 32–39.

неверно (по словам Воейкова, она означает просто «или Агамемнонов на сцене мучимый Орест»), как свидетельство того, что драматург «не знает по-латински, худо знает по-гречески и подражал не греческому трагику, но французскому»,³³ т. е. не Софоклу, а Вольтеру. Житель, вероятно, взял эту случайную фразу не из издания пьесы, а из критической статьи Воейкова, которую ему теперь, более десяти лет спустя, мог напомнить либо сам Воейков (что, впрочем, мало вероятно, поскольку далее в статье «О переводах» критикуется перевод Воейковым «Георгик» Вергилия), либо, скорее, Измайлов, который издавал в свое время «Цветник», где в 1809–1810 годах разворачивалась основная часть полемики об «Электре и Оресте».³⁴

Один из явных *bête-noir* Жителя — Н. И. Гнедич: его переводы цитируются чаще, чем прежде — один раз из «Илиады» и трижды из расиновой «Андромахи». Цитата из второй песни «Илиады» в переводе Гнедича, напечатанной еще в 1816 году, выбрана из множества публиковавшихся в 1813–1819 годах фрагментов, кажется, совершенно произвольно, и критическим курсивом в ней выделены два вполне обычных выражения:

..... Стекались народы,
Как семейства пчелиные, вставши густыми роями,
Идут от горных пещер и растущие *купа за купой*,
В образе гроздий златых по цветам благовонным вьются
<...>
К сонму спеша; и Молва меж толпами их, *Ангел Зевеса*,
Мчалась пылкая...³⁵

«Илиада» помещена в раздел «творческих» переводов, совершенно неподходящий для этого филологически точного труда: в том же 1822 году, что статья «О переводах», в «Сыне отечества» вышел разбор некоего Н. Н., где перевод Гнедича был скрупулезно сверен с греческим текстом и показано, что это перевод исключительно точный, «почти слово в слово»³⁶ — понятно, что наш Житель не сравнивал перевод с оригиналом. В цитатах из «Андромахи», которые составляют почти целиком раздел о «переводе-подражании» (1, 62–63), также трудно разобрать смысл претензий.³⁷

³³ Воейков А. Ответ господину М. С. на его возражения // Вестник Европы. 1811. № 9. С. 48–49. Ср. также упоминание Грузинцева в «Доме сумасшедших» Воейкова (уже в ранней редакции 1811–1817 годов): «Вот Грузинцев! Он в короне / И в сандалиях, как царь, / Горд в мишурном он хитоне. / Держит греческий букварь. / „Верно, ваше сочиненье?“ — / Скромно задал я вопрос. / „Нет, Софоклово творенье“, — отвечал он, вздернув нос».

³⁴ См. прим. 32.

³⁵ Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 22. Одно выражение, действительно не совсем удачное, в окончательном варианте было заменено на «вестница Зевса» (ср.: «Слово „ангел“ здесь, конечно, крайне неуместно: не всякому из русских читателей известно в своем исходном греческом значении («вестник»), оно вызывало совершенно негоморовские религиозные представления и зрительные образы, подсказанные церковной живописью» (Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001. С. 207)); второе же, «купа за купой» (в окончательном варианте «за купою новая купа»), вполне нормативно: помимо распространенного «купа дерев», А. Бестужев-Марлинский в «Письмах из Дагестана» (1831) использует выражение «купа всадников», В. М. Головин в «Путешествии вокруг света...» (1822) пишет о «купе островов».

³⁶ Н. Н. Некоторые замечания на отрывок из пятой песни Илиады, напечатанной в 45 № Сына отечества // Сын отечества. 1822. № 51. С. 229–237.

³⁷ Перевод Гнедича из «Андромахи» опубл.: Сын отечества. 1820. Ч. 65. С. 31–38; смысл критических курсивов в цитате из него Жителя трудно объяснить: «Ты в старца меч вонзя, искал в сей жертве бед / Оставшейся крови, замерзнувшей от лет; / Ты залил кровию пылающую Трою; / Ты Поликсену сам разбойника рукою / Зарезав, ненависть во всех к себе вселил»; «Изменной сам тебе служу я, может быть»; «Зачем ты не прочел души моей смятенной?»; «Люблю неверного; что ж если б был ты верен? / И в миг, в сей даже миг, как ты, коварством черен, / Спокойно произнес мой жребий роковой; / Злодей, колеблюсь я, ты не любим ли мной. — / Но Государь...» (1, 62–63). Ряд переводов Гнедича начинается с цитаты из перевода Мерзляковым «Освобожденного Иерусалима» (1, 62), однако возникает подозрение, что это случилось по ошибке, вызванной тем, что у Мерзлякова фигурирует «старец» («Там, старца по словам, явился вожде надежный»), как и в следующем примере из «Андромахи» («Ты в старца меч вонзя <...>»).

Такая настойчивая нелюбовь критика к Гнедичу, при отсутствии собственно переводоведческих мотивировок, дала В. Г. Базанову основания предположить, что автором статьи «О переводах» был сам издатель «Благонамеренного» и направлена она была прежде всего против Гнедича: «...Измайлов напечатал статью „О переводах“, где пытался обеславить переводы Гнедича из „Илиады“, назвав самого Гнедича „великим переводчиком бумаги“»,³⁸ а поводом, вероятно, было известное выступление Гнедича на собрании ВОЛРС 13 июня 1821 года, воспринятое как противовес позиции В. Н. Каразина и А. Е. Измайлова и принесшее Гнедичу высокое положение в Обществе и вражду «измайловцев».³⁹ Последнее действительно объясняет, вероятно, нелюбовь Жителя к Гнедичу и дает основание предполагать, что критик был ангажирован внутренними конфликтами ВОЛРС, однако статья «О переводах» не сводится к критике Гнедича («великим переводчиком бумаги» назван отнюдь не только и не собственно Гнедич, а «арзамасские гуси»). Отметим также, что Измайлов в эти годы был жителем не Выборгской стороны, а Песков, о чем регулярно упоминал, делая этот бытовой факт литературным, ср. в его (сделанном, по обыкновению, некстати) примечании к статье другого автора, где критиковалось выражение «На песках» вместо «на песке»: «...песками называется какое-нибудь целое пространство — место, наполнено песком, например: <...> пески здесь в Петербурге*» — «*Где живет Издатель Благонамеренного. *Прим. Изд.*»;⁴⁰ с удовольствием им приводимую «очень удачную пародию из Дунканова вечера», сочиненную Дельвигом: «На рассвете поднявшись, извозчика взял / Александр Ефимоч с Песков...»⁴¹ и проч.

В разделе «творческих» переводов для иллюстрации правила о том, что «более всего должно избегать ясности <...>». Переводчик-творец есть Сфинкс, которого чудесных загадок не всякой Эдип понять в состоянии» (1, 59–60), приводятся один пример из стихотворения Жуковского «Желание» — перевода «Sehnsucht» («Томление») Шиллера, и два — из «Ольги» Катенина (вольного перевода «Леноры» Бюргера), — в которых, впрочем, нет ничего загадочно-непонятного.⁴² Приходится предположить, что упоминание Жуковского⁴³ и Катенина⁴⁴ сводится просто к разметке литературного

³⁸ Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 237.

³⁹ Там же. С. 230–238.

⁴⁰ Благонамеренный. Ч. 23. № 13. С. 60.

⁴¹ Цит. по: Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 167; ср.: Там же. С. 159.

⁴² В обоих случаях конкретные претензии критика неясны: во фразе из перевода Жуковского (опубл.: Вестник Европы. 1813. Ч. 68. № 7–8. С. 197): «Верь тому, что сердце скажет: / Нет залогов от Небес! / Нам лишь чудо путь покажет / В сей (?) прелестный край чудес» (1, 59) — почему-то выделено местоимение «сей», совершенно нормативное в ту эпоху. В цитатах из Катенина: «Прости, Господи! несчастной, / В суд с безумной не входи; / Разум, слову непричастной, / От греха ты отведи!», «Так! упоенному / В гордой мечте его <...> Мрамором светится / Дом беззаботного» (впервые: Вестник Европы. 1816. № 9. С. 16; испр. вариант: Сын отечества. 1816. № 24. С. 187), — отмечены курсивом субстантивированные прилагательные («безумная», «упоенный», «беззаботный»), действительно несколько избыточные, но отнюдь не загадочные.

⁴³ По мнению, выраженному, в частности, О. М. Сомовым, у Жуковского «все немецкое, кроме букв и слов» (*Житель Галерной Гавани*. Ответ на (так названный) ответ Господина Ф. Б. ... жителю Галерной Гавани // Невский зритель. 1821. Ч. 5. № 3. С. 278), «немецко-русскую» балладу Жуковского «Рыбак» Сомов уподоблял «Тилемахиде» и предлагал поместить в «шкаф Литературных редкостей» (*Житель Галерной Гавани*. Письмо к г. Марлинскому. С. 58). А. А. Бестужев упрекал переводчика в том, что тот «дал многим из своих творений германский колорит, сходящий иногда в мистику, и вообще наклонность к чудесному» (*Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в России [1823] // Полярная Звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / Изд. подг. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 20 (сер. «Литературные памятники»)). По словам Цертелева, Жуковского «можно было бы назвать даже классиком, если бы он — особенно в последних своих сочинениях — дорожил более языком и предавался менее таинственным мечтаньям» в немецком духе (*Житель Васильевского Острова*. Спор (отрывок из моего Журнала) // Благонамеренный. 1820. Ч. 9. № 6. С. 397).*

⁴⁴ О полемике 1822 года Катенина с Сомовым о языке в связи с октавой; с Бестужевым, Гречем и Сомовым по поводу «Опыта краткой истории русской литературы» Греча, а также о резкой

«поля боя», где на «противной» стороне — Гнедич, Мерзляков, Жуковский, Катенин, Жандр (а также случайно, кажется, сюда присоединенные Чеславский и Грузинцев) вместе с Тредиаковским как знаком их принадлежности к «литературной кунсткамере». «Положительная» позиция Жителя менее определена: он явно выступает в интересах «Благонамеренного» и, вероятно, пользуется полученными от А. Е. Измайлова примерами, ориентирован на ВОЛРС с его внутренними разделениями 1819–1820 годов, вызванными выступлением В. Н. Каразина.⁴⁵

Разобранная нами часть статьи, посвященная «творческим» переводам и «переводам-подражаниям», вся помещена в одном номере «Благонамеренного» и составляет самую содержательную из трех частей этого сочинения. Две другие части, напечатанные в следующих номерах журнала, отведены рассмотрению «переводов рабских», которым критик дает довольно удачную характеристику: «Перевод рабский есть <...> верный сколок подлинника. <...> Здесь я <...> говорю <...> в особенности о тех (случаях. — М. Б., А. В.), коих введением переводчик обогащает нашу словесность» (2, 81).⁴⁶

Житель делит их «по языкам, с которых они взяты» (1, 51), начиная с латинского и греческого, а именно: А. Г. Огинского (переводы «Войны мышей и лягушек»⁴⁷ и Первой олинфской речи Демосфена⁴⁸), Я. В. Толмачева (перевод «Панегирика Траяну» Плиния Младшего⁴⁹) и А. Ф. Воейкова («Георгики» Вергилия⁵⁰). Предметом критических выпадов автора статьи в данном случае становятся не только и не столько переводы как таковые, сколько принципы, продекларированные переводчиками: так, Огинский в предисловии к переводу «Батрахомиахии» довольно пространно излагает установки, которыми он руководствовался в работе, и, вероятно, это обстоятельство в известной мере послужило причиной обращения критика к тексту десятилетней давности (впрочем, литературная активность Огинского продолжалась и во время, и много после выхода статьи, до середины 1830-х годов): «Перевод в прозе с еллинского языка на славено-русский, выражения и красоты подлинника в точности сохранить можно. Сие доказывает перевод книг церковных. Сохранять в точности выражения подлинника должно тогда, когда он, по мнению веков, сделался образцовым. Кто же вящее на сие стяжал право, как не бессмертный Омир?»

Что-либо в нем переменить, прибавить или убавить значило бы дерзко нарушать должное к нему уважение, тем более что славено-русский язык совершенно соответствует еллинскому в выразительности, обилии и многих других свойствах. В сем переводчик обретает для себя новые силы, новое ободрение, новые побуждения, восхищаясь языком своего совершенствами, которые он усматривает в языке Омировом!!!

Желая перевод мой сделать во многих отношениях полезнейшим, в особенности же для обучающихся еллинскому языку, я старался сохранить, где только возможно было, даже расположение слов подлинника.

критике Бестужевым его переводов и оригинальных стихотворений см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 318–325, 333–337.

⁴⁵ См.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 119–134.

⁴⁶ Также довольно удачны и частные, хотя и иронически поданные «правила»: все слова должны быть «на тех же самых местах, как они находятся в подлиннике» (2, 82); «сколь бы длинен ни был период подлинника, переводчик не должен сокращать или разделять его, но стараться слово в слово передать его на нашем языке. Он не заботится о том, что некоторые читатели будут жаловаться на запутанность и непонятность его перевода» (2, 82–83), «выражения подлинника, которых по свойству нашего языка у нас еще не было, чрез буквальный перевод оных, должны сделаться нашею собственностью» (2, 83).

⁴⁷ Омирова брань лягушек и мышей / Пер. с греч. Алексей Огинский. СПб., 1812.

⁴⁸ Первая Олинфийская речь Демосфена, переведенная г. Огинским // *Дух журналов*. 1817. Ч. 19. Кн. 16. С. 43–58.

⁴⁹ Похвальное слово императору Траяну. Сочинение младшего Плиния, переведенное с латинского ординарным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета Яковом Толмачевым. СПб., 1820.

⁵⁰ Отрывок из второй песни Вергилиевых Георгик / [Пер.] Александр Воейков // *Труды Казанского Общества любителей отечественной словесности*. Казань, 1815. Кн. 1. С. 263–267.

Нужно ли было мне иметь сие в виду, зная, что некоторые слова и выражения покажутся, быть может, неприятными слуху, неприбыкшему к славено-русскому языку, предаю на суд знатоков, истинно и с толикою пользою пекущихся о поддержании достоинств русского слова, коих чужды многие европейские языки». ⁵¹

Излагая свою позицию, Огинский заблаговременно признает возможность критических нападков, что, пожалуй, несколько ослабляет остроту высказываний Жителя Выборгской стороны, который, в сущности, выстраивает свой разбор «рабских переводов» не столько на анализе текстов, сколько на пародировании переводческих принципов, выдвинутых Огинским; формулируя «правила», по которым выполняются «рабские переводы», он пересказывает мысли, весьма созвучные тем, что приведены в процитированном выше отрывке, сопровождая их издевательскими пуантами. Первые параграфы этих «правил» выглядят вполне серьезно, под ними мог бы подписаться тот же Огинский или Толмачев:

«§ 1. Всякое предложение должно быть составлено таким образом, чтобы все слова были на тех же самых местах, как они находятся в подлиннике; а по сему

§ 2. Все обороты, приличные языку, на котором писан подлинник, должны быть удержаны в переводе» (2, 82; ср. вышеприведенное высказывание Огинского: «...я старался сохранить, где только возможно было, даже расположение слов подлинника»).

Но уже следующий параграф критик заключает критической остротой: «§ 3. Сколь бы длинен ни был период подлинника, переводчик не должен сокращать или разделять его, но стараться слово в слово передать его на нашем языке. Он не заботится о том, что некоторые читатели будут жаловаться на запутанность и непонятность его перевода» (2, 82–83).

Перечисленные три пункта Житель Выборгской стороны иллюстрирует двумя цитатами из «Первой олинфийской речи Демосфена» в переводе Огинского, выбранными, как представляется, совершенно произвольно: в них никак не обозначены ни якобы сохраненные в переводе «обороты, приличные языку, на котором писан подлинник», ни случаи, подтверждающие стремление переводчика соблюсти порядок слов и построение периодов оригинала; с точно таким же успехом критик мог бы поменять приведенные примеры местами или же использовать в доказательство своих суждений другие фрагменты. Впрочем, ниже, приводя выдержки из «Брани лягушек и мышей», критик выделяет курсивом ряд слов и выражений, которые, очевидно, вызвали у него нарекания сами по себе, без сопоставления с подлинником: «*Плесницы* во-первых на ноги свои возложили, *сокрушив бобы зеленые и славно их уготовав... Щит свечная светильня* (?), *копия долгие иглы, все медяное дело рук* Арея; *шлем — скорлупа орехов*» (2, 84).

Этим фрагментом он иллюстрирует следующее «правило»: «§ 4. Выражения подлинника, которых по свойству нашего языка, у нас еще не было, чрез буквальный перевод оных должны сделаться нашею собственностью» (2, 83); однако едва ли выделенные слова и словосочетания могут служить примерами подобных переводческих решений. Например, славянизм «плесницы» (в оригинале *κνίιδες*, «поножи»), которым впоследствии неоднократно пользовался Гнедич в переводе «Илиады», невнятная тавтология «свечная светильня» и множественное число в словосочетании «скорлупа орехов», вероятнее всего, смутили критика сами по себе, без сопоставления с подлинником. На слабое знание им гомеровской традиции (пародируемой в поэме) указывает тот факт, что составной эпитет «всемядное» (*παυχάλκεον*; встречается и в гомеровских поэмах, в частности: Одиссея, VIII, 403; в переводе В. А. Жуковского — «целомедный») из перевода Огинского в цитате разбит на два слова: «все медяное»; по той же причине критик осмеивает не вполне удачную, но довольно смелую и заслуживающую внимания попытку Огинского воспроизвести составные эпитеты, в данном случае уже открыто пародийные по отношению к Гомеру (впрочем, в переводе пародийное звучание они приобрели скорее помимо воли переводчика): «Исходят внезапно *холмопинные, кривоклешние, косошествующие, согбенные, остроустные,*

⁵¹ Омирова брань лягушек и мышей. С. 6–8.

черепокожные, костеродные, широкохребетные, раменоблестящие, выдутоткрые, крепкожилые, свирепоглядые, осьмоногие, двуглавые, безрукие, по имени Раки» (2, 84–85).

В предваряющей эту цитату реплике критик издевательски именуется метод воспроизведения составных эпитетов «словошением», а саму работу Огинского характеризует как «еллино-славяно-росский перевод», обыгрывая неоднократно употребляемый самим Огинским термин «славяно-российский язык».⁵²

Если знакомство критика с древнегреческим языком и литературой вызывает небезосновательные сомнения, то в области латинского языка и словесности он высказывает несколько большую осведомленность. Подразделяя «рабских переводчиков» с классическими языками на «еллино-греков» и «латинян», первых он характеризует довольно общими словами как «удерживающих древние красоты греческого языка» (2, 89), тогда как вторых описывает значительно пространнее, говоря, что они «соблюдают иногда краткость и силу Горацийев и Тацитов, иногда же пышность и плодovitость Цицеронов и Плиниев, заставляя сих великих писателей говорить по-русски слово в слово то, что они говорили по-латине» (2, 90). В приведенном пассаже критик обнаруживает определенное знакомство с особенностями стиля некоторых римских авторов; упоминание же именно этих авторов можно расценивать как выпад в сторону их переводчиков, при этом основной мишенью становится, вероятно, профессор Петербургского университета Я. В. Толмачев, перу которого принадлежат переводы почти из всех перечисленных писателей (кроме Горация), появлявшиеся в «Журнале древней и новой словесности» в 1818–1819 годах. Пространные, на две с лишним страницы выдержки из «Панегирика Траяну» в его переводе Житель Выборгской стороны приводит в качестве образчика творчества переводчиков-латинян; при этом он осуществляет некоторое сопоставление перевода с подлинником: помещает в подстрочных примечаниях соответствующие фрагменты оригинала и тем самым, вероятно, пытается нагляднее показать, сколь «рабски» переводчик воспроизводит грамматический и синтаксический строй подлинника, рискуя сбиться в невнятицу. Впрочем, в иных случаях (помимо воли критика) доказывается совсем противоположное; например, отметив фразу: «Сам же ты с каким дружеством встречаешь, с каким (?) ожидаешь всех», — критик приводит ее в оригинале: «Ipse autem, ut excipis omnes! ut expectas!» (3, 98); из сравнения видно, что причиной столь неуклюжего и маловразумительного перевода стало стремление переводчика не соблюсти дословную точность, а, напротив, истолковать, прояснить это место. В других местах критик просто выделяет некоторые выражения из перевода Толмачева курсивом, не предлагая сличить их с оригиналом (как при разборе перевода Огинского). Выпады Жителя именно против Толмачева представляются неслучайными; их объектом вновь становится текст, уже вызывавший критические отзывы. Довольно неллицеприятная рецензия на только что опубликованный «Панегирик Траяну» в переводе Толмачева была помещена в «Сыне отечества» (еще за два года до статьи в «Благонамеренном»); претензии, предъявленные Толмачеву в данной рецензии, вероятно, и послужили поводом для Жителя Выборгской стороны включить его работу в свой разбор: «В сем переводе находим мы многие выражения, не родившиеся в русском языке, но перенесенные в него переводами с латинского, выражения, которые, наравне с германизмами и пр., никогда не найдут у нас права гражданства. Сверх того останавливала нас на каждой странице латинская конструкция, противная русскому чувству и слуху»⁵³ (ср. у Жителя: «...заставляя сих великих писателей говорить по-русски слово в слово то, что они говорили по-латине»).

⁵² Впоследствии сам Огинский вошел в число авторов «Благонамеренного», поместив в журнале переводы из Гесиода (Пять веков героических / Отрывок из Гезиодовой поэмы: Работы и дни); с греческого А. Огинский // Благонамеренный. 1824. Ч. 26. № 7. С. 37–42) и Цицерона (Письмо Цицерона: Книга II, письмо 8 / С лат. А. Огинский // Там же. № 12. С. 406–410); оба они выполнены значительно более ясным и удобочитаемым языком, и не исключено, что в этом определенную благотворную роль сыграла критика Жителя Выборгской стороны; впрочем, столь же вероятно, что сказалась переводческая эволюция самого Огинского.

⁵³ Сын отечества. 1820. Ч. 63. № 27. С. 38.

Еще одним переводчиком с латинского, вызвавшим нападки Жителя Выборгской стороны, стал А. Ф. Воейков, работавший над «Георгиками» Вергилия. Критик останавливается не на каком-либо из многочисленных фрагментов «Георгик», появившихся в «Вестнике Европы», а на единичной публикации отрывка II книги поэмы в «Трудах Казанского Общества любителей отечественной словесности»;⁵⁴ создается впечатление, что объектом своих нападок критик намеренно стремится сделать как можно менее заметное издание (хорошо известное, впрочем, членам столичного отделения этого общества⁵⁵). Перевод, который критикует Житель, был выполнен Воейковым еще в 1812 году:

Семени, павшу на землю, оно разверзается тихо,
Внуков наших покрыть обещая тенью своею,
Яблонь от семени взросшая, скоро приятные свойства
Позабывает, и сладких плодов, одичав, не приносит...

(3, 98–99)

В первом случае критика явно смущает дательный самостоятельный, который, вероятнее всего, воспринимается им как откровенный славянизм (над которыми Житель уже иронизировал); вторая претензия, очевидно, связана с тем, что переводчик не сохраняет употребленный в оригинале страдательный залог, т. е. как раз-таки отходит от буквы подлинника, не допуская при этом значительных смысловых искажений. Сличение приведенного фрагмента с помещенным в сноске оригиналом едва ли позволяет говорить о Воейкове как о «рабском переводчике»: он не пытается воспроизвести латинский текст дословно и калькировать синтаксис, напротив — старается прояснить текст в своем переводе, который из-за этого разрастается по сравнению с оригиналом. Вероятно, причиной причисления Воейкова к «рабским переводчикам», как и в случае с Огинским, послужило то обстоятельство, что он сам же продекларировал собственные переводческие принципы; еще в 1812 году, в статье «Об описательных и дидактических поэмах и в особенности о Виргилиевых Георгиках» он писал: «Утвердительно сказать можно, что переводы знаменитых писателей более самых сочинений приносят языку пользы. Они, сближая нас с понятиями других народов, знакомят с способом выражать их, и нечувствительно переносят в наш язык тысячу оборотов, картин, выражений, которые прежде казались ему чуждыми, но которые, сближаясь по сходству, сперва делаются терпимы, а потом красоту составляют. Те, кои пишут на своем языке, употребляют обороты и выражения уже принятые, бросают свои идеи в старые и часто даже стертые от времени формы. Писать на своем языке значит, если смею так выразиться, истощать собственное сокровище; переводить значит обогащаться сокровищами чуждыми».⁵⁶

Эта же статья была перепечатана в 1821 году в «Сыне отечества» (Ч. 72. № 36) и предваряла пространный, на несколько номеров выполненный тем же Воейковым «Разбор Виргилиевой поэмы „Георгики или о земледелии“, переведенной с латинского на русский язык г. Раичем»; схожие мысли о буквальном переводе содержатся и в самом «Разборе...»: «...надобно сражаться и победить язык и заставить его принять тысячу выражений и оборотов, кои до тех пор его пугали».⁵⁷

В связи с переводами античных классиков Житель также высказывается против перевода «размером подлинника», впадая, впрочем, в гиперболизацию: «Тщательный

⁵⁴ Труды Казанского Общества любителей отечественной словесности. Казань, 1815. Ч. 1. С. 265. Благодарим за указание на источник цитаты А. Ю. Балакина.

⁵⁵ Отметим также, предвосхищая высказываемое нами в конце статьи предположение об авторстве статьи о переводах, что членом Казанского Общества любителей отечественной словесности был с 1818 года Б. М. Федоров, см. статью о нем А. А. Костина в словаре «Русские писатели. 1800–1917»: Т. 6. С. 413.

⁵⁶ Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1812. Ч. 3. Кн. 5. С. 260.

⁵⁷ Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 36. С. 260.

переводчик должен сохранить не только все меры стихов и всякое слово подлинника на том же самом месте, но даже и звуки каждого слова. <...> У нас сим достоинством отличаются многие отрывки из Гомера и Виргилия, переведенные размером подлинников» (2, 87–88). Выступление Жителя против гекзаметра как такового представляется достаточно архаичным: к началу 1820-х годов этот размер вошел в русскую поэзию довольно прочно, о чем свидетельствует, в частности, напечатанное в «Благонамеренном» в том же 1822 году «Письмо к издателю „Благонамеренного“» (за подписью N. N.), в котором критикуется статья о гекзаметре из «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова. Автор «Письма...» предполагает, что эта статья основана на «Замечаниях на опыт о русском стихосложении г-на В<остокова>» Н. И. Гнедича, опубликованных в «Вестнике Европы» в 1818 году; при этом к самому Гнедичу критик относится с исключительным пиететом, и правомерность использования гекзаметра в русской поэзии вопросов у него не вызывает. Главным предметом нападков Жителя становится Воейков — именно из «Выписки из рассуждения А. Ф. Воейкова», входящего в состав статьи из словаря Остолопова, заимствованы все примеры, обнаруживающие излишнюю близость с «Замечаниями...» Гнедича. N. N. открыто ставит под сомнение владение Воейкова классическими языками: «Но переводя Эклоги и Георгики Виргилиевы из Дефонтея (я не говорю уже о Греческом языке), по какому праву можно присвоить себе замечание, при коем опытное и основательное познание древних языков и поэзии есть условие необходимое?»⁵⁸ Столь же пренебрежительно отзывается он и о стихотворческом искусстве Воейкова, ставя его на один уровень с Тредиаковским: «Не видим ли мы в Тилемахиде и в экзаметрическом переводе Виргилиевых Георгик, что и самый экзаметр под пером неискусным делается нескладен, вял, груб и жат?»⁵⁹ Вполне вероятно, что «Письмо...» не в последнюю очередь послужило для Жителя Выборгской стороны поводом к нападкам на Воейкова.

В гуще «рабских» переводов с латинского и греческого встречаются совершенно неожиданные примеры: рядом с цитатами из «Батрахомиомахии» приводятся выдержки из напечатанной «иждвением переводчика» брошюры «Прогулки девицы М** Кр.*** ныне г-жи Ск..., или Окрестности города Вильна» (СПб., 1808), перевод «с французской рукописи ея» В. Г. Анастасевича, — чувствительного описания Вильно со всеми приличными жанру меланхолическими мотивами сельского уединения, руины, заброшенного кладбища и проч. Причем из этой крохотной книжки приводятся целых шесть цитат (2, 83–84, 85, 87), где в выделенных критиком курсивом словах и фразах нет совершенно ничего особенного.⁶⁰ Приходится предположить, что эта разительно неуместная и почти не опознаваемая для читателя атака на Анастасевича адресована лично ему и его кругу и вызвана тем, что Анастасевич как член ВОЛРС играл в 1820 году значительную роль в конфликте вокруг В. Н. Каразина.⁶¹

Также находящаяся внутри раздела латинских переводов критика «некоторых ученых систематиков», которые «употребляют и вводят в Российской язык иностранные слова и выражения, как то: *анализировать идеи; абсолютная идея; рефлекс*, отражающийся на *абсолютной идее; рефлекс*, не отражающийся на *абсолютной идее*;

⁵⁸ Благонамеренный. 1822. Ч. 18. № 16. С. 91.

⁵⁹ Там же. С. 90.

⁶⁰ «Блестит там юный вертоград, где любезнейшая наука расположена искать доказательств в чашке розы или в стебле мирты... там растения, цветы всех стран, сочетая свои краски, запахи, наполняют благовонием воздух, чаруют взор и своим кратко-дневным существованием приводят нам на мысль скудельность собственного нашего жребия», «На другом конце города, на час пути отстоит селение тем прелестнее, что оно кажется отделено от всего света» (2, 83–84); «Гора, на коей воздвигнуты сии палаты, возвышается кругозором (амфитеатром), увенчанная разными деревьями, которых зеленый верх качают ветры» (2, 85); «Истинная путлянка (лабиринт), в коей столь приятно запутаться!» (2, 85), «Но где кончится сия прогулка, коея удовольствие не допускает утомиться? Увы! На неизбежном праге утех и горестей», «Взойдем на сию гору, владычествующую над городом» (2, 87). См.: Прогулки девицы М** Кр.*** ныне г-жи Ск..., или Окрестности города Вильна. Перевод с франц. рукописи ея В. Анч. СПб., 1908. С. 5, 6, 8–9, 11, 12.

⁶¹ См.: Базанов В. Г. Ученая республика (по указ.).

контрактивный полюс магнитной линии; экспансивная сторона электрического круга» и т. д. (2, 86), состоит в пространной выписке, начало которой нами процитировано, из натурфилософского сочинения одного из первых русских шеллингианцев Д. М. Велланского «Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные начертания всеобщей физиологии» (СПб., 1812).⁶² В своем пафосе отрицания заимствованных слов критик следует известному мнению А. С. Шишкова о том, что нужно не пользоваться латинской научной номенклатурой иностранных языков, а производить необходимые понятия из корней русского языка: вместо «квадрат» или «эквадор» писать «уравнитель», вместо «арифметика» — «числительница» и проч.⁶³

Третья, заключительная, часть статьи вышла только спустя несколько месяцев и номеров «Благонамеренного», в марте 1823 года. В ней, завершив двумя пространными приведенными выше цитатами из Толмачева и Воейкова раздел о «рабских» античных переводах (3, 97–99), критик переходит к «рабским» переводчикам с новых языков.

Он начинает с «галломанов», которые «пишут по-русски так, как в блестящем кругу света говорят наши модники и модницы, то есть: удерживая *фразологию* и вменяя иногда слова и выражения *единственного, несравненного* Французского языка. Иногда, не вразумев смысл подлинника, или поняв его не так, как понимал сочинитель, они, так сказать, *передразнивают* сего последнего на Русском языке, что составляет особое украшение их слога, известное вообще под названием *галиматьи*» (3, 99). В качестве иллюстрации галломанской «галиматьи» (расхожего определения нового слога⁶⁴) критик приводит десяток разнородных, но почему-то последовательно пронумерованных цитат, все, что для него нехарактерно, с параллельными французскими пассажами. Первые две — совершенно, кажется, для читателя-современника неопознаваемые: «Сей последний был худ и бледен *жалким образом*; но его физиономия и черты лица *обнаруживали большой ум*», «Она имела к слову: *гений*, и к *требованию* на оный такое отвращение, которое доходило до ужаса» (1, 99–100), — из опубликованного без указания имени автора сентиментального нравоучительного английского романа «Лудовик, или Сын человека с гением» («The Son of a Genius», 1812), переведенного с французского перевода-посредника⁶⁵ князем Шаликовым

⁶² Благодарим Д. В. Кузьмина за указание на источник цитаты. Новые для России умозрительная философия и терминология Велланского, как в этой книге, так и в его диссертации «Проклюзия к медицине как основательной науке» (СПб., 1805), уже были неоднократно подвергнуты критике, в том числе в рецензии, помещенной в «Санкт-Петербургском вестнике» (1812. Ч. 2. № 4. С. 78–99, подпись Ф. [И. М. Фовицкий]); эта рецензия и ответное письмо автора книги с возражениями были прочитаны на заседании ВОЛСНХ, соответственно, 16 мая и 13 июня 1812 года, в присутствии, в частности, Измайлова (Архив ВОЛСНХ в НБ СПбГУ. Д. 204. № 21. Л. 181–182 об.; № 26. Л. 194–195; см.: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot12.html>; дата обращения: 15.04.2020).

⁶³ Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 14. С. 100.

⁶⁴ Ср. раздел «Прозаическая галиматья (Подражание новейшим Елегическим Поетам)» в «Вестнике Европы» (1822. № 19. С. 231–232), содержащий анонимные пародии (подписанные «У. и А.») на романтическую элегию («Минутный гость на жизненном пути, я вяну! — И веселье не веселит меня! и сердце, полное грустию, дремлет. — Увы и ах! <...> И былое — как пустынная стрела — пролетело! и грядущее — дикий мрак, туманная даль! и в слепой тоске моей я исчезаю, я терзаюсь! Увы и ах!» и проч.); объявление в «Сатирической газете» А. Е. Измайлова в «Благонамеренном»: «В новооткрывшемся галиматическом магазине отдаются напрокат разные первого сорта отборные галиматические выражения, как то: *баловень, сладострастие, упоение, чаши, былое*... Тут же можно получить также напрокат причастия и существительные имена, совершенно противоположные между собою, например: *веющее дыхание, веющий сон, грустящая ночь* <...>» (Благонамеренный. 1823. № 3. С. 237). О намеренном культивировании в карамзинистском языке и в «Арзамасе» «галиматьи» см.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1994. Т. 2. С. 508 (прим. 39).

⁶⁵ Ludovico, ou le fils d'un homme de Génie / Trad. de l'anglais par Madame La Baronne de Montolieu. Vienne, 1817. Автор романа — Барбара Хофленд (Barbara Hofland, 1770–1844).

(М., 1820. Ч. 1; цит. на с. 4, 20). Претензия Жителя к выделенным им курсивом французским оборотам, калькированным переводчиком («d'une manière pathétique», «découvert un grand esprit»), и галлицизму «гений» («génie»), к двадцатым годам уже вполне вошедшим в состав русского языка, указывает на архаичность его критики: антикарамзинский пафос, направленный против созидания русского языка «на скудном основании французского языка»,⁶⁶ Житель в 1823 году переадресует эпигону Карамзина князю Шаликову, таким образом производя ослабленную и совершенно безопасную критику второй степени.

Следующие два примера взяты из комедии в стихах Алексиса Пирона «Метромания, или Страсть к стихотворству» в вольном переводе Н. В. Сушкова (1820, поставлена в 1819 году) — вернее, вероятно, из рецензии на нее А. А. Бестужева, где эти цитаты, и тоже с параллельным французским текстом, были приведены именно как пример галлицизмов, ср.:

Житель: «„Пространства и огня вам мало на земли“. Или: „Бедняжка задрожит как мертвый лист“ <...> ...N'ayant sur l'horizon: / Ni feu ni lieu qui puisse alonger votre nom» (3, 100);

А. А. Бестужев: «В пример галлицизмов предлагаю два стишка: „...n'ayant sur l'horizon / Ni feu ni lieu qui puisse alonger votre nom“, etc. <...>. „Пространства и огня вам мало на земли“. Или: „Бедняжка задрожит тогда, как мертвый лист“. В оригинале вовсе нет сего стиха, но буквальное подражание французскому эпитету: *feuille morte*, очень видно».⁶⁷

Последующие несколько цитат (3, 100–101) взяты из перевода «Поэтического искусства» Буало Д. И. Хвостовым (озаглавленного им «Наука о стихотворстве», многократно с исправлениями переизданного), отвергнутого Российской Академией и уже безбожно всеми осмеянного.⁶⁸ Атака на Хвостова вызвала неучтенную, кажется, в «хвостовиане» антикритику — письмо «Господину издателю Благонамеренного», подписанное псевдонимом «Константин Нелестюхин».⁶⁹ Письмо посвящено только этому фрагменту статьи Жителя Выборгской стороны о переводе Хвостова и выдержано в характерном для хвостовианы тоне преувеличенных похвал, скрывающих издевательскую критику, адресованных тут Измайлову как издателю «Благонамеренного» и как баснописцу: «Вы, озаряя лучами Критики переводы Классических Авторов <...>. Вы сами Автор, Поэт, Баснописец и знаменитый в своем роде; а *Благонамеренный* ваш, обогащаемый часто примечаниями вашими, есть венец вашей славы. Забудьте на час о известной скромности вашей, то увидите сами: какое пространное поле вы открыли себе и всем достойным вас подражателям! — Но увь! кто осмелится исполнинскими шагами идти за вами к бессмертию?... Так точно; один *Благонамеренный* будет достопамятными критиками своими сиять тысячи веков на поле Отечественной Словесности!»⁷⁰ и проч. Автор антикритики ясно дает понять, что знает о том, что Житель Выборгской стороны — если не сам Измайлов, то его журнальный alter ego, который «для вас (т. е. Измайлова. — М. Б., А. В.) и под эгидою вашею похвально трудится в *Благонамеренном*».⁷¹ Измайлов, как известно, издавал свой журнал «по-домашне-

⁶⁶ Судя по НКРЯ, Карамзин действительно в 1802–1803 годах маркированно часто употреблял слово «гений», ср. также: «обнаруживать их душу» в его переводе из г-жи Жанлис «Женщина-Автор» (Вестник Европы. 1802. № 20–21; там же: «Гений Тюрена»); у К. Н. Батюшкова: «Ноги и руки жалким образом высохли и пожелтели» («Прогулка по Москве» [1811–1812], впервые опублик. в «Русском архиве» в 1869 году; курсив наш. — М. Б., А. В.).

⁶⁷ Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 7. С. 314; ср. прим. Бестужева к выделенному им (и Жителем) выражению «мертвый лист»: «буквальное подражание французскому эпитету: *feuille morte*, очень видно» (Там же).

⁶⁸ Поскольку Житель и тут приводит параллельные французские места, что делает обычно, только когда списывает их из чужих рецензий, можно предположить, что критика перевода Хвостова тоже им откуда-то заимствована, но мы пока не обнаружили источник.

⁶⁹ Благонамеренный. 1823. Ч. 22. № 12. С. 225–234.

⁷⁰ Там же. С. 226–227.

⁷¹ Там же. С. 232. Весьма вероятно, конечно, что защитник Хвостова имел в виду Н. Ф. Остолопова, в эти годы близкого сотрудника «Благонамеренного» и при этом критика басен Хвостова

му», экономно, практически без помощников,⁷² поэтому нетрудно будет далее сделать предположение, кого тут имел в виду, вероятно, осведомленный защитник графа Хвостова.

Переводчиков «тевтоно-россов и британо-россов» (3, 102) критик объединяет в русле известной мысли о немецком и английском влияниях в русском романтизме: «...переводы их имеют между собою какое-то романтическое сродство» (3, 102). Однако весь раздел примеров небрежно составлен из пространных, по две страницы, выписок всего из двух (по обыкновению неназванных) переводчиков, совсем молодых и малоизвестных, — двадцатилетнего И. Г. Покровского (переводы из Шиллера, «Перчатка» («Der Handschuh») и «Мать убийца» («Die Kindermörderin»))⁷³ и девятнадцатилетнего В. Н. Григорьева (перевод элегии Ламартина «Вечер» («Le Soir»)).⁷⁴ Кажется, единственная причина упоминания текста Григорьева — в связи с которым критик сам признается, что это перевод не с немецкого и не с английского, «но совершенно в духе Романтической Поэзии, каким отличаются переводы новой школы» (3, 106) — то, что он был напечатан в одном номере «Благонамеренного» с переводом Покровского, буквально на соседних страницах, и просто попался критику на глаза. Очевидно, что ни Григорьев, ни Покровский никак не могут представлять за «новую», романтическую, школу словесности.⁷⁵

Итак, можно утверждать, что статья Жителя Выборгской стороны «О переводах» составлена из нескольких гетерогенных элементов и имеет мозаичное авторство. Первый и исходный элемент, задающий каркас статьи, — не оригинальная, но вполне рациональная дифференциация типов переводов и иронически сформулированные «правила» для них, а также завершающее наблюдение о протейности переводчика.⁷⁶ Иллюстрирующие эти «правила» цитаты из переводов — второй элемент статьи — разительно им неадекватны, собственно критики не содержат и в основном происходят из «Благонамеренного». Наконец, на эту двусоставную структуру навешено в сущности никак с ней не связанное обрамление из вторичных антиромантических выпадов против «арзамасских гусей» и «новой школы» поэзии.

Мы согласны с В. Г. Базановым в том, что одним из авторов статьи, вероятно, был Измайлов, весьма небрежно и поспешно подобравший из запасов своей редакторской памяти цитаты, руководствуясь в основном желанием поместить в «Благонамеренном» заметное, по меньшей мере пространное, высказывание на актуальную тему перевода и придать ему хотя бы внешний характер полемиического антиромантического выпада.

Что касается переводоведческого каркаса статьи, то он, как мы предполагаем, принадлежит Б. М. Федорову — деятельному члену ВОЛРС и постоянному автору «Благонамеренного», который 5 июня 1822 года на заседании Общества читал свое сочинение «Несколько слов о переводе и подражании», одобренное и избранное единогласно.⁷⁷ Возможно, именно это сочинение было использовано в качестве основы

(см., в частности: О-в [Остолопов Н. Ф.]. О баснях графа Хвостова // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 9. С. 176–182).

⁷² См.: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 267.

⁷³ Переводы Покровского опубли.: Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 6. С. 238–241; № 7. С. 270–274.

⁷⁴ Перевод Григорьева опубли.: Там же. С. 275.

⁷⁵ В цитируемых переводах критик выделяет самые обыкновенные лирические топоры: «<звездочка> на небесах потухших / Зацепилась в таинственном огне», «В сторожевой покойной тишине», «Украдкой веющий в ветвях», «сырыми гробами», «пришлец неожиданный», «тайный глас», «надежды милой взгляд», «Дарить меня беседою немой», «небеса ночные», «сладожестранно», «страж убийства» и проч. (3, 106–108).

⁷⁶ «Не всегда переводчик бывает одинаков с начала до конца. Часто, в одном и том же переводе, делается он истинным Протеем, являясь попеременно то творцом, то подражателем, то рабским последователем своего подлинника. Такая пестрота составляет нередко существенное достоинство перевода, показывая читателям, сколь разнообразны способы и дарования переводчика» (3, 109).

⁷⁷ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 417.

статьи «О переводах». Низкий литературный статус «Борьки» Федорова, которого презирал даже Измайлов, и его зависимость от разных «патронов» (в этот период — Измайлова и Цертелева) объясняют разительную ничтожность, неопределенность фигуры имплицитного автора статьи.⁷⁸

Таким образом, статью «О переводах», кажется, следует атрибутировать все же не собственно Цертелеву, как в сборнике «Пушкин в прижизненной критике», а Измайлову, как это сделал Базанов, и, под вопросом, Федорову (вспомним тут характеристику Бестужевым «партии» Цертелева в ВОЛРС: «...у ней голова князь Цертелев, а хвост (тела нет) — Борис Федоров»⁷⁹). Интереснее то, что мы видим тут своеобразный механизм функционирования литературного поля в сфере «романтики» versus «классики», в очередной раз демонстрирующий слишком общий характер этого разделения: знаменитое, программное высказывание Вяземского в его предисловии к «Бахчисарайскому фонтану» оказывается не только *post festum* интегрировано в полемику с фигурами мелкими и говорящими вздорно и о мелочах, как отвечавший Вяземскому М. А. Дмитриев, т. е. «литературными Мирмидонами», «меньшими братьями в авторстве»,⁸⁰ «литературными Лиллипутами», которые «только тогда получают гражданство Муз, когда издастся известный вам в рукописи *Литературный Словарь бесконечно малых*»,⁸¹ — но и в значительной степени порождено «мелкими букашками» (если воспользоваться возможно относящимся к Федорову определением Пушкина из его «Собрания насекомых»), «поэтами 15 класса», одного из которых — Жителя Выборгской стороны — Вяземский обессмертил в своем предисловии к «Бахчисарайскому фонтану», таким образом способствовав созданию «Литературного Словаря бесконечно малых», в самом деле необходимого для истории литературы.

⁷⁸ Авторство Федорова объясняет и то, почему Житель не приводит ни одного перевода с английского в разделе о переводах «британо-россов»: Федоров, если верить докладной записке о нем, составленной Ф. В. Булгариным в 1828 году для III Отделения, «никогда, ничему и нигде не учился. <...> не знает никаких языков, с французского языка он еще может переводить при помощи лексикона, но немецкого и английского вовсе не понимает» (цит. по: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 178; также: Рейтблат А. И. Видок Фиглярин. М., 1998. С. 346). В пользу возможного участия Федорова в написании статьи говорит и то обстоятельство, что после выхода предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» Федоров, кажется, старался поддерживать существование литературной фигуры Жителя Выборгской стороны, выведя ее в своем построенном в форме «разговора» антиромантическом разборе стихотворения В. И. Туманского «Черная речка»: характеризуя фигуру «критика», своего alter ego, Федоров заметил, что это «должен быть или Житель Васильевского Острова, или Житель Выборгской стороны, или с Петербургской стороны. Все сии жители не расположены к стихотворениям такого рода, как „Черная речка“» (Д. В. р. ст-ва [Федоров Б. М.]. Разговор о романтиках и о «Черной речке» // Благонамеренный. 1823. Ч. 23. № 15. С. 170; ср. также письмо Федорова Цертелеву о предисловии Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану»: Письма в Тамбов о новостях русской словесности. Письмо I // Благонамеренный. 1824. Ч. 26. № 7. С. 53–67; № 8. С. 95–106).

⁷⁹ Лит. наследство. 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 204–205 (письмо П. А. Вяземскому от 23 мая 1823 года).

⁸⁰ «...троньте одного, и вы тронули всех; а тем более, если коснулись до главы единичного племени. <...> у нас меньшие братья в авторстве складываются, чтобы написать нелепость! Кто после возьмет на себя головоломный труд отыскивать в этих журнальных мозаиках вкладчину каждого? Гораздо короче и благоразумнее расплатиться напрямки с собирателем, или составителем мозаики, предоставляя ему расчесть с своими поставщиками и воздать каждому свое» (Князь Вяземский. Разбор Второго Разговора, напечатанного в 7 № Вестника Европы // Дамский журнал. 1824. № 8. Апрель. С. 64).

⁸¹ «...безплотная фаланга друзей, которые сами собою не существуют, но как Лиллипутные эхи вторят чужие слова и после истаявают в воздухе. <...> Все они только тогда получают права гражданства в области Муз, когда издастся известный вам в рукописи *Литературный Словарь бесконечно малых*; а покамест они существуют в силу правила товарищества, или устава общества для взаимного застрахования» (Л. М. [Вяземский П. А.]. Письмо в Париж // Московский Телеграф. 1825. Ч. 6. № 22. С. 175–176).